

Геннадий КАНЕВСКИЙ

Геннадий Каневский родился (1965) и живет в Москве. Закончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый берег» и мн. др. Автор девяти книг поэзии, выходявших в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. Стихи переводились на английский, шведский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премий «Московский наблюдатель» (2013), журнала «Октябрь» (2015), специальной премии «Московский счет» за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019). В «Волге» публикуется с 2009 года.

хочешь? – присоединяйся ко мне.
мы по нечётной пройдем стороне.
там все дома и проёмы непарны,
сны не цветны, города не бульварны,
и штукатурные трещины стен
служат нам книгою неперемён.

я поверх них напишу на стене:
«мы проживаем в нечётной стране.
три наша родина, семь наша слава,
пять наше лево, одиннадцать – право,
а произнесший на улице “шесть”
может годов на пятнадцать присесть»

так и проходят нечётные дни.
рано стемнело? остались одни?
как ты? давно тебе пуля не пела?
ты не забыл? – нынче день артобстрела.
при приближеньи железных ворон
нету опаснее чётных сторон.

по встрече, ответке, колючей стерне
холодным огнём
идёт человек, напевая себе
о звере своём,

который в белёную хатку ума
явился, незван,
и сел, будто перец, зира, куркума,
меж рисовых стран.

а прежние жители, евшие рис,
хранившие дом,
решили сражаться, телами сплелись

в подпольный обком.

в теряющем волю горячем уме
их гибнет отряд,
и мелкие боги роятся во тьме.
поют. говорят.

[памяти романа арбитмана]

жить в деревянном ковчеге — ты нас обещаешь спасти, ной? —
дом замыкая от черни и свет запирая в гостинной,

мыкая из угла в угол остаток земли прошлогодней —
букв порошок, ветошь пугал, лист дерева богоугодный.

тень отличалась от тени не выпадением слога,
а преткновением времени о придорожного бога.

спи же, песчаник поваленный, дом муравьёв и напева.
зря на тебе рисовали мы всякое справа налево.

из волхвования плоского, из завыванья и снега
выткалась блядь вавилонская (думали — библиотека).

солнце, приди же к нам утренним, а не покорным как нынче,
высвети в кухонной утвари все аппараты да винчи,

на посошок чтобы выбрать и, правой махнувши европам,
раз уж не выпало выплыть — хотя бы взлететь над потопом.

[памяти софии камилл]

песни твоих
ангелов дерзких
отрывистые

ангелов дерзких
усмешка

длинные ноги
сильные крылья

чёлки смешные
ангелов дерзких твоих

ангелов дерзких
сбеганье из дома

их автостопы
их жёсткий аплифтинг

их переходы
с языка на язык

тикает
тикает время
пока
ты не почувствуешь
что без них
больше не можешь
там в небесах
безвоздушных

где старые дачи всегда,
пролитые как из ведра
на холм и в овраги,
пять дней до субботы – среда,
черёмуховы холода
в кульке из бумаги.

где старые дачи – постель.
и гостю положено в щель
глядеть из купален,
как свет изменяется весь,
как спеет придонная взвесь,
как мир идеален.

где старые дачи – продрог.
там речь приبلудилась – щенок,
там люди-морфемы,
там чайник свистит, идиот,
там дождь перед утром пройдёт
рассказывать, где мы.

андрею чемоданову

мама любила хия.
папа любил джетро талл.
ты никого не любила.
я тебя обожал.
лежали с тобою голые.
играли в вождя и скво.
в то время как дэвид боуи
любил себя самого.

в юности
я бы бросил в тебя
снежком
чтобы хоть так
к тебе прикоснуться

и
не попав
затворился бы
в тяжком стыде
лет на сорок

питался бы
через трубки
подведённые к телу
с цветными растворами
витаминов

а потом
открыл бы глаза
а вы всё смеётесь
надо мною
с подругой —

«голова профессора
здравствуй!» —

две старушки
француженки
в небольшом городке
на водах

я бы бросил
ещё раз

но тут
не бывает снега

алексandre петровой

в риме жалость обнимает милость
и ведёт к подножию холма
где вчера косою удавилась
девка из улуса кострома

в риме светом разгоняют сумрак
а в заштатном городе изюм

дымом на исходе третьих суток
солнце ошалевшее грызут

в риме папе омывают ноги
а в москве (рифмуется с «тоске»)
говорят зачуханные боги
на глухом невнятном языке

пустота в гигантскую воронку
свёрнута и мы над ней стоим
сердце-камень засмоли в коробку
и пусти по водам в дальний рим

[ping DOS]

I.

в похожей на удлинённую каплю машине
с названием, например, вапорелла.
услужливой траекторией. и закат
(или восход) пусть будет не впереди, а сзади
для разнообразия. по отклонению линий
боковых отбойников от горизонтали
только и судить о том, как быстро
ты опережаешь нынче свое время
или отстаёшь от него. остальное – полночь,
или затяжной кашель, или странная музыка
родом из города акрон штат огайо,
которую гопники всего мира,
тамошние, местные, и из твоего родного
города гамон' штат voronezh –
сильно напоминает тех панков, правда? –
давили каблуками своих гриндеров
или кирзачей.
перемещённые лица –
повторяй про себя – перемещённая музыка,
перемещённые мысли,
перемещённый свет,
перемещённые тени,
перемещённые тэги,
перемещённые огни фар перемещённые огоньки болотных духов и кладбищ
перемещённые блики в глазах тамошних лис и здешних койотов
permit me
перманганат
калия
коли я тут –
время открыть цветочную лавку при конце света
с оригинальным названием «каллы юга на поле снега»
с одновременным приготовлением грога
и незаметным застыванием мига
на время, необходимое для отречения

и написания просьб об отставке
или отсрочке – кому как ближе

II.

когда ими
было основано всё на свете
в том числе треугольная площадка для танцев
(братья с холма недоумевали –
зачем треугольная танцевать неудобно – наивные)
там утром происходили встречи
совета тридцати трех
по одиннадцать в каждом углу
и всегда оставался решающий голос

так вот когда ими
было основано всё на свете
в том числе десять памятников ветрам
основным четырём и шести завихреньям
на фундаментах из десяти видов бетона
и когда десять из тридцати трёх
упомянутых выше их касались –
все вы знаете что происходило дальше

и когда ими
было основано всё на свете
из того что не было основано раньше
мир немного сморщился но в целом остался
таким же целым ради бога простите
за эту тавтологию а я ведь так старался
два месяца сочинения пять репетиций
перед зеркалом ну что же я готов
ко всему дальнейшему что мне знакомо
десять прикоснутся и поднимется ветер
сотня соберётся и начнутся танцы
тридцать три останутся и я исчезну
ибо мне принадлежит
решающий голос

III.

в той земле что навеки останется в книгах
в той стране что свернулась в бумажную трубку
с лестницы божьей гордой названием съерры
сходит воздух какого не было раньше
спицы ноги его и ножницы руки
звонко задевший черту итога
он сострижёт бахрому твоего примиренья
и оставит грубую ткань твоего понимания

крохотным почерком дня на бумаге пчелиной
миг расставания для на бумаге жужжащей

сотканной из скликанных сызнова звуков
после трёх поворотов на север
написав заранее неспетое песен
окончания снов и запах лисицы
приложение а без приложений
примечание б без примечаний

замыкающий круг
пусть рука твоя дрогнет
в самый последний момент перед закатом

этот ветер
кружит на месте
пёс руин
дервиш окраин

этот звук
становится
невыносимым
но говорят
и к нему привыкаешь

этот
или тот свет
стремительно
приближается
к точке на карте
где ты

эта тьма
она ползёт
по той же карте
по-пластунски

эта метафора
ничего не может
но пытается петь
пытается плакать

эта земля
лежит у дороги
уже мёртвая
но ещё улыбается